

Злата Хитрова

Мой жестокий
ДРАМАТУРГ.
Я перепишу
твою пьесу!

Злата Хитрова

**Мой жестокий драматург.
Я перепишу твою пьесу!**

«Автор»

2026

Хитрова З.

Мой жестокий драматург. Я перепишу твою пьесу! /

З. Хитрова — «Автор», 2026

Я мечтала о главной роли. Но сын ректора предложил мне не сцену, а клетку. Марк Столетов знает всё: долги моего отца, мои страхи и цену моего будущего. Он обещает спасти меня от отчисления, если я соглашусь стать героиней его жестокого эксперимента. Теперь за мной следят камеры. Мои слёзы превращают в спектакль, а унижения называют искусством. Только Лев, обычный осветитель, показывает мне записи тех, кого эта академия уже сломала. Впереди премьера. Марк готовит моё окончательное падение. Но он забыл главное: последнюю реплику напишу я. И когда погаснет свет, вся академия услышит правду. Даже если за свободу придётся заплатить карьерой.

© Хитрова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Злата Хитрова

Мой жестокий драматург.

Я перепишу твою пьесу!

Глава 1

Дверь деканского кабинета хлопнула за очередным посетителем. Я вздрогнула и тут же рассердилась на себя: после этюда мне всё ещё казалось, что сегодня можно хоть что-нибудь. В пустом зале довела монолог до конца, хотя на последней фразе почти не осталось воздуха. Громов даже вынул ручку изо рта. Обычно он грыз её, пока я говорила, и это бесило сильнее плохой оценки.

Я прокручивала его короткий кивок. У меня получалось. Не всегда, не с первого дубля — но получалось же. В академии «Сцена» такие секунды берегли: на следующем занятии тебя могли разобрать на части. Сегодня я хотела успеть порадоваться.

— Вера, заходи, — бросил секретарь, даже не подняв глаз от монитора.

У декана на столе остывал кофе. Он вытащил лист из папки и придвинул мне. Я потянулась, но он ещё придерживал край пальцем; отпустил только когда я посмотрела на него. Здороваться, видно, не собирался.

— Подпиши. Или собирай вещи.

Взяла лист. Сверху стояло: 185 000 рублей. Дальше — прошлый семестр, реквизит, гримёрка. Гримёрка? Я переодевалась в туалете второго этажа, там хотя бы не требовали оплату. Последней строкой шёл отцовский долг. Он ещё накануне спрашивал, могу ли кинуть ему на бензин.

— Это ошибка, — прошептала я, хотя горло сжалось в кулак. — Папа сказал, что заплатил.

Ковалёв откинулся на спинку. Я всё ещё держала лист двумя руками, будто его могло унести. — Ваш отец, Вера, — человек творческий, но безответственный. Академия не терпит долгов. У вас есть время до вечера пятницы. После этого вы становитесь свободной художницей... то есть, бездомной.

Пятница. Я пересчитала дни, как считала мелочь на проезд: вот столько, и больше взять нигде. Ковалёв уже придвинул следующую папку. Для него разговор закончился. Я стояла с его листком и разглядывала потёртость на подлокотнике кресла. Даже сюда больше не приглашали сесть.

В коридоре никто не заметил, что меня только что выставили. Девочки у зеркала спорили про укладку, парень тащил стул из зала. Я искала отца. Он обычно сидел внизу у техников: просил пустить на репетицию или одолжить до завтра. За этим «до завтра» сейчас и надо было спускаться.

— Ой, смотрите-ка! — Кира Волкова держалась у окна, и двое с её курса сразу обернулись на меня. Пальто цвета крем-брюле, ровные манжеты. Я прикрыла разошедшийся шов у своего рукава. Кира заметила это раньше, чем я успела опустить руку.

— Вера, ты такая бледная. Ты заболела? Или это осознание того, что твой талант — это просто громкое дыхание?

Две девочки с драматургии засмеялись за Кириной спиной. Одна глянула на мой лист, пытаюсь прочесть сумму. Я повернула его к себе.

Я сжала кулаки. Ногти впивались в ладони. — Отвали, Кира.

Кира подошла вплотную. От её духов щипало в носу. Я не отодвинулась: если отступлю, пойдёт за мной и будет говорить ещё громче. — Верочка, у тебя опять пыль на рукаве. Реквизит таскала? Вот и таскай. Мне на просмотре нужен человек, который уберёт стул после монолога. Ты ведь привыкла делать за нами грязную работу.

Хотелось ударить. Жестко, некрасиво, по этому идеальному носу. Но я вспомнила цифры в кабинете декана. 185 тысяч. Если я сейчас устрою скандал, меня вышвырнут раньше пятницы. Без права апелляции.

Я протиснулась сбоку, задев её пальто своим потрёпанным рукавом. Не нарочно. Почти. — Извини, что мешаю тебе светиться, — процедила я сквозь зубы и обошла её.

Вниз я почти бежала. На лестнице пропустила свою площадку и вернулась: отец обычно сидел в подсобке №4, возле техников. Надо увидеть его квитанцию. Проверить дату и банк. Пока ещё можно было объяснить случившееся чужой ошибкой, я держалась за неё.

Отец сидел в подсобке №4 на перевёрнутом ящике. В руках была бутылка воды; он крутил крышку и не поднимал головы. Я остановилась между ящиком и дверью. Здесь могли слышать техники, и мне пока ещё хотелось поговорить без свидетелей.

— Пап, — выдохнула я, захлопнув дверь за собой. — Нам нужно срочно решить вопрос с долгом. Декан...

Он не повернул головы. — Ты слишком много о себе возомнила, Верка.

Я остановилась у ящика. Ещё думала показать ему лист, спросить про банк. А он уже отчитывал меня. — Что?

— Ты думаешь, ты особенная? — Он наконец посмотрел на меня. Глаза были мутными, полными жалости к самому себе. — Тебя берут, потому что ты дешевая. Потому что ты будешь работать за еду и аплодисменты. А я? Я старик, которому негде жить. Я не могу платить.

— Но ты же говорил, что перевел деньги! Я видела квитанцию!

— Фальшивая, — спокойно ответил он. — Для твоего спокойствия. Теперь успокойся. Иди учись. Или не иди. Мне всё равно.

Квитанцию я носила в сумке, в прозрачном файле, чтобы не помять. Показывала декану. Благодарила папу. Теперь он даже не попросил прощения. Я смотрела на бутылку в его руках — на воду у него деньги нашлись — и никак не могла заставить себя сказать ещё хоть слово.

За дверью я проверила папку: квитанция всё ещё лежала в прозрачном файле. Не выкинула. Зачем-то разгладила её угол, только потом сунула обратно.

В холле разбирали реквизит после занятий. Я шла вдоль стены и смотрела на плитки, чтобы никому не встречаться глазами. Вечером надо в бар; до этого можно попытаться позвонить в бухгалтерию. Не отцу. Ему больше нечего было спрашивать.

— Ты выглядишь так, будто тебя похоронили заживо.

Марк Столетов стоял у колонны. Я узнала его по голосу: на читках он мог говорить вполсилы, а все всё равно замолкали. Сын ректора, драматург, наш ходячий экзамен без ведомости. Преподаватели хвалили его пьесы за новизну; мне в них чаще хотелось спросить, почему ни одному человеку не разрешают просто выдохнуть. Марк заметил папку у меня в руках.

— Уйди, Марк, — буркнула я, пытаюсь обойти его.

Марк шагнул поперёк дороги. Я остановилась, почти уткнувшись в его плечо. Можно было обойти колонну с другой стороны, но тогда он пойдёт следом. — 185 тысяч. Плюс проценты за просрочку. К утру понедельника ты будешь на улице, Вера. Со своим талантом и нищим отцом-обманщиком.

Сто восемьдесят пять. Даже не округлил. У меня свело живот: эту сумму сама узнала сегодня, а он произнёс её без запинки. Я подняла папку выше, прикрывая цифры, хотя это уже ничего не меняло. — Ты следил за мной?

— Я наблюдаю за интересными объектами, — усмехнулся он. Я пыталась понять, что ему понадобилось, кроме моей реакции. — Есть предложение.

— Никаких предложений.

— Есть. — Он достал из кармана сложенный листок бумаги. — Мой экспериментальный проект. Закрытый просмотр. Камеры, микрофоны, полная изоляция. Если ты согласишься быть моей музой... точнее, материалом... долг будет списан. Полностью. Прямо сейчас.

Я коротко рассмеялась. В холле услышали, и пришлось говорить тише. — Ты хочешь купить меня?

— Главную роль. Не массовку, не подмену Кире. После просмотра тебя будут знать все, кто раздаёт приглашения в театры. Если не струсил на репетициях.

Он не отводил глаз, пока я разглаживала угол листка. Чёртов угол никак не ложился ровно. Я зажала его пальцами. Уйти с этим долгом хотелось меньше, чем согласиться, — и Марк мог сколько угодно смотреть, как я выбираю.

— Почему я должна верить тебе?

— Потому что никто другой не даст тебе этой роли. И потому что... — он понизил голос, наклонившись к моему уху, так что я вздрогнула от мурашек, — ...если откажешься, завтра утром весь факультет узнает историю твоего отца. О фальшивых квитанциях. О том, как ты платила за его обед из своего стипендиального фонда. Придётся объяснять это на каждой паре. С ролью хотя бы будут слушать твой голос, не только историю долга.

Согласиться хотелось так сильно, что стало противно. Я представляла, как в пятницу продолжаю ходить по этим коридорам. Как открываю свой шкафчик. Такие обычные вещи — и ради них сейчас слушала человека, который угрожал моей семье.

— Где подписывать? — спросила я тихо.

Марк протянул руку. На его пальцах блестело кольцо с черным камнем. — Сначала тест.

Глава 2

Через пять минут Марк поставил меня посреди холла. Кира вышла из гримёрки. Те, кто собирался уходить, задержались у дверей: с таким сопровождением я уже обещала им зрелище.

— Инструкция проста, — прошептал Марк, стоя у меня за спиной. Его дыхание коснулось шеи, заставив кожу покрыться мурашками. — Упади на колени перед Кирой. Попроси прощения за «неосторожное слово», которое ты якобы сказала ей сегодня утром. Громко. Чтобы слышали все.

Кира стояла спиной ко мне. Между нами оставалось несколько плиток; я смотрела на шов у своего носка и не могла переступить его. На колени? Здесь, где каждое утро толкались наши? Потом они будут здороваться со мной и помнить именно это. Марк не торопил. Ему даже ждать было удобно.

— Время идет, Вера, — напомнил Марк. — Счетчик тикает. Каждая секунда приближает тебя к улице.

Дошла до Кире за два шага. Она обернулась и приподняла брови. Я видела под глазами остатки пудры; зачем-то стало легче, что и у неё лицо не такое гладкое вблизи.

— Чего тебе, мусорка? — бросила она достаточно громко, чтобы услышал ближний круг зрителей.

Извинение я придумала по дороге. Первое слово застряло, а вместо него вырвался смехок. Кира уже улыбалась. Сейчас повторит его за мной. Я стиснула зубы, переждала и подняла голову.

Посмотрела ей прямо в глаза. Монолог знала; на занятиях всегда боялась передавить голосом. Здесь решила не беречься. Пусть слышат у дверей.

— «Пощади! Пощади! Неужели я не человек? Неужели кровь моя не течёт красной струей, Как и твоя? Неужели мне не щекотно, когда я смеюсь?»

На занятиях мы разбирали монолог Шейлока из «Венецианского купца». Сейчас я цеплялась за его ритм, но слова выходили мои. Громов бы вклеил мне за такую вольность двойку. Пусть. Кира больше не улыбалась.

Кто-то в холле договорил фразу и не начал следующую. Я слышала собственные согласные — чёткие, отрепетированные, почти наглые. Кира открыла рот, но я не оставила ей паузы. Впервые её лицо оказалось ближе, чем её дорогая одежда: она не знала, что отвечать.

— Что ж, если ты умрёшь, то останешься там навсегда... — продолжила я, делая шаг назад, разрывая дистанцию. — Но пока я жива, я буду дышать твоим воздухом, и это будет моим правом.

Я закончила и повернулась к Марку. Он стоял, не двигаясь, даже не подошёл. Сейчас он скажет, что тест провален. Я приготовилась отвечать и вдруг заметила: он разглядывает меня так, словно текст только что изменился без его согласия.

— Хватит! — заорала Кира, её голос сорвался на визг. — Марк! Накажи её! Это издевательство!

Марк прошёл мимо Кире и взял меня за локоть. Я ещё ждала его оценки. Он только повёл к выходу.

— Идем.

— Куда? — спросила я, чувствуя слабость в коленях после выброса адреналина.

— Работать.

Люди подвинулись, давая нам пройти. Я вдруг почувствовала ноги: всё это время стояла слишком жёстко. Кира осталась у гримёрки. Я не оглянулась — боялась улыбнуться ей и испортить то, что удалось.

У бордюра стоял Марков внедорожник, чёрный, мокрый после дождя. Он открыл пассажирскую дверь. Я помедлила: после холла уже могла уйти. Но папка лежала у меня под мышкой, и я всё-таки села.

Марк сел за руль и нажал блокировку. Щёлкнули замки. Я сразу посмотрела на кнопку у своей двери. Если понадобится выходить, начну с неё, не с просьбы.

Он не заводил мотор. Просто смотрел вперед, на темную улицу, залитую оранжевым светом фонарей.

— Зачем ты это сделал? — спросила я. — Позволил мне выступить. Мог просто отказаться от меня.

— Я написал новую пьесу, Вера.

Мимо проехала машина, на секунду осветив ему щеку. Я не могла понять, шутит он или действительно придумал для меня всё это заранее.

— Называется «Разрушение личности». Героиня теряет всё: деньги, семью, друзей. Всё, кроме одного. Своего голоса. Она начинает понимать, что боль — это единственное, что делает её живой.

Я сглотнула. — Я не твоя героиня.

— Ты уже стала ею.

Из бардачка он вытащил ещё одну папку и положил мне на колени. Довольно толстую. Я поддела клапан ногтем, но сперва посмотрела на него — нужно ли разрешение даже для этого?

— Здесь твоя биография. Все долги. Все тайны твоего отца. Все компроматы на тебя. Если ты выйдешь из этой машины сейчас, они появятся в сети через час.

Я взяла папку. Пальцы скользнули по шершавому картону.

— А если останусь?

— Тогда ты подпишешь контракт. И начнешь играть. По моим правилам.

— Ты издеваешься, — прошипела я. — Ты думаешь, я продам душу за роль?

Марк усмехнулся. Холодно. Жестоко. — Твой отец продал тебя за долги еще до того, как ты родилась. Он использовал твою мать, твою фамилию, твою надежду. Я лишь предлагаю тебе продать себя дороже. Не за еду. За величие.

Я посмотрела на свою дверь. Кнопка блокировки оставалась на виду, но от его слов выйти стало труднее.

— Ты не можешь так говорить...

— Могу. И буду. Пока ты не научишься говорить со мной на равных. А для этого тебе нужно пройти ад.

Он потянулся к ключам зажигания. Машина взревела, вибрируя под нашими телами.

— Пристегнись, Вера. Мы едем в театр. Реальная игра начинается сейчас.

В машине я разжала пальцы. На ладонях остались четыре полумесяца: давила ногтями у декана и не заметила. Папка лежала на коленях. Ещё час назад хотелось, чтобы кто-нибудь разглядел во мне актрису. Марк разглядел. Лучше бы сначала спросила, что собирается с этим делать.

Он запомнил мой монолог в холле. Даже после разговора про долги это не шло из головы. Я поймала себя на том, что хочу сыграть перед ним ещё раз, — и стало стыдно. Я пыталась отделить своё удовольствие от его условий.

Машина рванула с места, оставляя позади мир, где я была никем. Впереди был театр. Марк Столетов вёл машину, а я держала папку на коленях и пыталась решить, где заканчивается роль и начинается моя жизнь.

Служебная дверь оказалась закрыта. Я подёргала ручку и подошла к охраннику. Ночью после разговора в машине почти не спала. Марк назначил встречу в VIP-ложе, но пропуска не оставил. Уже представляла, как ему придётся объяснять эту задержку — и как он назовёт её моей.

— Пропуск, — буркнул охранник, даже не подняв глаз от телефона. Он прижал локтем край моего студенческого, пока писал сообщение.

— У меня его нет, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, а не сорванно. — Но у меня есть вопрос к декану Ковалёву. Срочный. По дипломной работе. Он ждёт меня там.

Он оглядел меня от кед до воротника и снова посмотрел в телефон. Я знала, что будет дальше: «Девушка, вам же сказали». На нормальный пропуск у меня сейчас не было ничего, кроме фамилии Марка. Придвинулась к стойке, чтобы не пришлось кричать на весь служебный вход. — Марк Столетов просил передать, что если я задержусь здесь ещё на минуту, ему придётся объяснять ректору, почему его сын теряет время на пустые разговоры с персоналом.

Охранник посмотрел поверх моего плеча, будто Марк мог сейчас появиться. Потом нажал кнопку лифта. Я прикусила губу: выходит, фамилии хватило, а моего студенческого — нет. — Третий этаж. Не шуми.

Глава 3

На третьем этаже ковёр глушил шаги. Я оглядела двери, пытаюсь вспомнить, где вход в ложу, и услышала Кирина смех. Она была где-то слева. Не самый приятный способ спросить дорогу.

Я притормозила у её гримёрки. Если Марк здесь, она должна знать.

Кира красила губы перед зеркалом. Я остановилась в дверях: на столике лежали кисти, косметичка, телефон. Она заметила меня в отражении и не обернулась. Я сразу пожалела, что не прошла мимо.

— Ого, — протянула она, увидев моё отражение в зеркале, но не обернувшись. — Мышка заблудилась в замке? Ты потерялась, Вера? Туалеты для обслуживающего персонала находятся в подвале, рядом с котельной. Там тепло.

— Я ищу Марка, — бросила я, входя внутрь. Мои шаги гулко отдавались по паркету.

Она всё-таки повернулась и оглядела мою куртку. Под её взглядом я вспомнила, что не стёрла остатки туши. Можно было попросить салфетку, только у Киры просьба никогда не оставалась просто просьбой. — Марк не общается с теми, кто должен больше, чем может заработать. Знаешь, сколько стоит твой долг? Это же смешные деньги. Если хочешь, я могу дать тебе пару тысяч. Просто поддержи мне сумочку. Или протри мои туфли. Тебе ведь несложно. Я же тебе заплачу.

Её сумка лежала совсем близко. Схватить, сбросить на пол — простая приятная мысль. Я убрала ладонь в карман. Потом Кира расскажет, что я ворвалась и устроила истерику, а про туфли и подачку забудет. Мне нужно найти Марка, а не дать ей ещё одну историю на обед.

Посмотрела на правое веко. Тушь собралась под ресницами в серое пятно. Я уже хотела промолчать, но она продолжала рассматривать мой рукав. Подождала, пока она закончит свою реплику. — Кира, — произнесла я спокойно, указывая подбородком на её лицо. — У тебя течёт тушь. Прямо сейчас. Камеры наблюдения в коридоре пишут в 4К. Потом попросишь стереть запись, а они её уже выложат. У театра имени Чехова с тобой контракт. Хочешь, чтобы первый поиск твоего имени выдавал это лицо?

Помада остановилась у губ. Кира повернулась к зеркалу так быстро, что серьга ударила по шее. Я увидела, как она промокает веко салфеткой, и едва не улыбнулась. Значит, боится этих камер ничуть не меньше меня. Просто до сих пор в них попадала с хорошей стороны. — Вон отсюда! — прошипела она, но в её голосе уже не было прежней уверенности. Была злость загнанного зверя.

— С удовольствием, — ответила я, разворачиваясь.

Из-за шкафа с реквизитом шагнул Марк. Я едва не налетела на его стакан: он держал кофе возле груди и, кажется, всё это время слушал нас. Возле глаза залегла усталая складка, пиджак был расстёгнут. С Кирой он даже не поздоровался. Мне стало ещё неприятнее оттого, что она сразу расправила плечи.

— Интересная техника запугивания, Вера, — сказал он тихо. Я отступила от его кофе, чтобы между нами осталось хоть немного места. — Использовать их тщеславие против них самих. Эффективно.

Кира поспешила убрать салфетку. При Марке она предпочитала, чтобы макияж поправлял кто-нибудь другой, а она как будто всегда такая. Я осталась стоять у двери, не помогая ей объяснить разговор. — Марк, мы просто...

— Иди, Кира, — перебил он, не повышая голоса. — У тебя репетиция через десять минут.

Кира посмотрела на него, потом на меня. Сумочку схватила резче, чем собиралась; флакон на столике качнулся. Дверью хлопнула уже в коридоре. Я успела только отступить, чтобы не ударило по плечу.

Марк допивал кофе, а я стояла на месте Киры у зеркала. Теперь можно было задать вопрос без её комментария. — Ты опоздала на встречу, — сказал Марк, делая глоток кофе. — Но ты пришла. Значит, отчаяние делает тебя изобретательной. Мне нравится.

— Я хочу увидеть текст, — выпалила я, прежде чем страх успел парализовать язык. — Ты обещал роль. Роль, которая спасёт меня от отчисления. Где она?

Он усмехнулся и пошёл к двери. Про текст пока не ответил. Я последовала за ним: всё равно без него до ректора не доберусь. — Идём.

У кабинета этажом выше я задержалась на пороге. Марк впустил меня и запер дверь. Я смотрела на ключ, пока он включал ноутбук. Он прошёл к отцовскому столу — огромному, заваленному бумагами и ноутбуком. На стене висел проектор. — Ты хочешь сначала прочесть, посчитать, а потом ответить, — сказал он. — Пока будешь считать, просмотры закончатся. Актриса нужна мне сейчас.

— Я хочу справедливости, — отрезала я.

Марк включил проектор. На стене появилась дата — прошлый вторник, 03:15. Я узнала свою сумку раньше лица. На экране я видела себя. Я сижу на полу перед умывальниками академии, обхватив колени руками. Моё лицо искажено гримасой боли. Я рыдаю без звука, кусая кулак, чтобы не кричать. Рядом лежит телефон, на экране которого высветилось имя: «Кредитор».

Я узнала ту ночь раньше, чем себя на записи. На полу была моя сумка, рядом светился телефон. Зачем я тогда повернула его экраном вверх? Глупый вопрос, но именно он застрял в голове. Уже не могла убрать с экрана ни своё лицо, ни кулак у рта. Марк смотрел, как я смотрю на себя. — Что это? — прошептала я, чувствуя, как кровь прилила к щекам от стыда. Мой кулак у рта на записи никак не получалось не видеть. Даже это он сохранил.

— Это твоя слабость, Вера, — сказал Марк, подходя ближе. Он не смотрел на экран. Он смотрел на меня. — Ты думаешь, ты сильная, потому что терпишь. Но ты просто прячешься. Ты боишься показать им, что тебе больно. Поэтому ты молчишь. А я слышу всё.

— Выключи это, — потребовала я, делая шаг назад, упёршись спиной в книжный шкаф. Край полки пришёлся между лопатками; дальше отступать было некуда.

— Почему? Тебе стыдно? Или страшно? — Марк остановился в шаге от меня. Я чувствовала запах его одеколона — сандал и табак. Опыняющий и токсичный. — Ты можешь уйти. Сейчас. Прямо сейчас открыть дверь и убежать. Но тогда завтра ты окажешься на улице. Без диплома. Без будущего. Со своим отцом-должником.

Я стиснула ремень сумки обеими руками. Он давал мне уйти из запертого кабинета — какое великодушие. Запись при этом оставалась у него. Хотелось пройти к проектору и выключить его самой, но Марк стоял на пути. Я ненавидела, что сперва прикинула, разрешит ли он.

— Чего ты хочешь? — спросила я, сжимая кулаки до боли в ногтях.

— Признать это, — ответил он. — Посмотри мне в глаза. Скажи вслух.

Я подняла голову, потому что он этого требовал. Марк ждал ответа, не подсказывая, с какого слова начать. — Да, — выдохнула я. Голос сорвался, но я заставила себя продолжить. — Я боюсь. Я боюсь, что останусь никем. Я боюсь, что они правы, и я недостойна стоять на этой сцене.

Он ещё не ответил. Я успела испугаться собственного признания и добавила, пока не передумала. — Но, — добавила я, глядя прямо в его глаза, игнорируя желание отвести взгляд, — я не сломана. Ещё нет.

Марк выключил проектор. Я проследила, как исчезает лицо со стены, и только после этого смогла снова посмотреть на него. Он пока ещё не убрал ноутбук; запись оставалась там.

— Хорошо, — сказал он, и в его голосе появилось что-то новое. Он уже не усмехался. — Тогда играем.

Он бросил на стол черновики. Верхний лист съехал к краю. Я подошла ближе, пока он не успел передумать и убрать текст. — Первая сцена. Прочитай вслух.

Взяла верхний лист. Почерк был крупный, в строчках теснились зачёркивания. Марк стоял рядом, и от этого читать молча не получалось. «Она стояла на краю обрыва, где ветер срывает кожу с костей. Ей сказали: "Прыгни". Она посмотрела вниз и увидела своё отражение в воде. Там была не она. Там была пустота.»

Я начала читать. Первые слова вылетали из горла с трудом, комкаясь. «Она стояла...»

На первых словах я запнулась. Привычно поискала глазами Громова — здесь его не было, некому кивнуть или поморщиться. Марк слушал. Я уткнулась в лист, в эту пустоту под обрывом, и представила коридор после отчисления: я иду, а люди продолжают говорить, будто меня уже нет.

На следующей фразе я задержалась. Теперь знала, куда поставить вдох. Слова ещё были чужими, а пауза уже моя. «Она посмотрела вниз...»

На второй фразе я перестала торопиться. Дала словам прозвучать, не подтолкнула их криком. Марк не вмешивался. Я почувствовала знакомое удовольствие от удачной паузы и пошла дальше, удерживая её: выговорить «пустота» тихо оказалось страшнее, чем на полном голосе. «Там была не она. Там была пустота.»

Дочитала. Марк не заговорил сразу, и я не стала заполнять эту задержку вопросом. Хотелось хотя бы минуту не оправдываться за то, как прозвучал голос.

Марк откинулся в кресле. На полях могло быть что угодно, но теперь он смотрел не в лист, а на меня. Я удержала бумагу перед собой, как на читке. — Идеально, — сказал он. — Ты не жертва, Вера. Ты инструмент. Самый острый, какой у меня когда-либо был.

Перечитала последнюю строку глазами, уже без звука. Здесь, на паузе, получилось. Я знала это до его «идеально». Хотелось донести это знание до следующей репетиции. Он назвал меня инструментом, а я ухитрилась услышать похвалу. До чего же голодной надо быть. — Что дальше? — спросила я, чувствуя прилив сил. Хотела сыграть ещё, пока не забыла удачную паузу. Даже его замечания сейчас собиралась выслушать.

Марк встал. Он подошёл к окну, за которым мерцали огни города. Достал телефон. — Дальше начинается настоящая работа. Нужно убедиться, что ставки высоки. Очень высоки.

Он набрал номер, включил громкую связь и положил телефон на стол. Я смотрела на экран. Гудков хватило, чтобы испугаться, чей голос сейчас услышу. Раз. Два. Три. Щелчок. Линия соединилась.

— Алло? — раздался в трубке хриплый, знакомый до боли голос. Голос моего отца.

Я узнала голос отца и придвинулась к телефону. Только что собиралась спрашивать Марка про следующую сцену. — Папа? — прошептала я.

— Вера? — голос отца был тихим, испуганным, сломленным. — Вера, скажи ему... скажи ему, что мы заплатим. Только не выставляй нас напоказ. Пожалуйста. Я всё сделаю, но не трогай Веру.

Я смотрела на Марка. Он спокойно взял со стола чашку с недопитым кофе, сделал глоток и наблюдал за моей реакцией с выражением абсолютного равнодушия. Отец просил пощады, а Марк держал телефон так, чтобы я не смогла забрать. Я согласилась ради роли — а он теперь давил ещё и на папу. Папа обманул меня, но слушать, как он просит у Марка пощады, всё равно было невыносимо.

Я потянулась к телефону. Марк отодвинул его от меня, не прерывая звонка. Даже поговорить с отцом он позволял только по своим правилам.

Глава 4

На бейдже была наклейка «пропуск просрочен». Я показала её дежурному у зала №4, хотя он уже всё видел. Дверь не открывал: ждал, пока сама уйду. Я дёрнула ручку ещё раз — скорее от злости, чем надеясь, что сработает.

— Прости, Вера, но без действующего пропуска внутрь нельзя. Правила академии, — голос дежурного был плоским, как дно сковородки. Он даже не смотрел на меня.

Пошла через служебную лестницу. По ней можно было добраться до третьего этажа, не проходя дежурного. Кеды скрипели на бетонных ступенях; чем быстрее шла, тем громче выходило. Марк ждал наверху.

Марк ждал у стены с электронной сигаретой. Он выдохнул пар и посмотрел на часы, хотя меня уже видел. Вот этот жест я ненавидела: ещё не спросил, что случилось, а опоздание уже измерил. Бейдж с просрочкой тянул карман вниз.

— Актриса опаздывает, — произнёс он тихо, но в тишине коридора это прозвучало как выстрел. — Ты понимаешь, что такое дисциплина в театре, Вера? Или ты думаешь, что твои прогулы ради работы в баре дают тебе право на исключение из правил?

Я показала ему бейдж. Наклейка с просрочкой была на виду, и оправдываться всё равно хотелось. Сейчас он пустит меня — или заставит ждать, пока из зала выйдут остальные. Второе представлялось хуже; я уже слышала, как Кира рассказывает, что меня не допустили к репетиции.

— Я... у меня просрочен пропуск, — выдавила я, ненавидя себя за этот жалкий лепет.

— Значит, опоздание признаешь перед курсом, — Марк усмехнулся уголком рта. Он посмотрел на дверь. Причину опоздания слышать не хотел; хотел, чтобы сама призналась перед ними.

Он открыл дверь, и я шагнула внутрь, ощущая себя загнанной мышью.

В зале двадцать человек повернулись на дверь. Кира сидела в первом ряду в белых брюках. Я посмотрела, куда бросить сумку, чтобы не пришлось протискиваться мимо её ног.

— У нас тут театр, а не рынок секонд-хенда, — громко заметила Кира, кивая на мою блузку. Ткань была дешёвой, полиэстер, купленный на распродаже три года назад. Она блестяла под софитами каким-то подозрительным жирным блеском. Кто-то из мальчиков хихикнул. Звук этот резанул по нервам, вызывая физическое жжение стыда на щеках.

Игнорируй. Дыши. Я начала монолог «Слуги». Голос дрогнул, но я взяла себя в руки. Ритм. Чувство ритма — это единственное, что у меня осталось.

— ...и тогда она поняла, что цепи не держат её, потому что...

— Потому что они ржавые? — перебила Кира, не вставая с места. — Или потому что их просто нет? Ты путаешь метафоры, дорогая.

Смешок прошёл по первому ряду. Я пропустила слово, попыталась вернуться к началу фразы и забыла, где должна стоять пауза. Самое противное: текст-то помнила. Кира перебила одну строчку, а я начала сыпаться так, словно вообще не готовилась.

Кира поднялась со своего места и подошла ко мне со стаканом. Я услышала корицу ещё до того, как увидела кофе. Надеюсь, что она просто пройдёт к выходу. Она остановилась вплотную, оставив мне место только для полшага назад.

— Извини, — сказала она сладко.

Кофе попал на грудь. Я дёрнула блузку от кожи, но мокрая ткань тут же прилипла снова. Под мышкой было горячо, у пояса уже потекло. Кто-то ахнул. Я ждала полотенца, хоть чьей-нибудь салфетки, а Кира держала пустой стакан.

— Теперь костюм соответствует уровню игры, — объявила Кира, убирая пустой стакан в карман. — Грязная работа для грязных ролей.

Кто-то в первом ряду отвернулся, но вставать никто не собирался. Даже стаканчик никто не отобрал. Я ждала, что Громов или Марк скажет хотя бы «хватит»; вместо этого Марк смотрел на мои руки. Значит, ещё и снимали реакцию. Хорошо. Пусть снимали.

На джинсы капал кофе. Я держала ткань подальше от груди, но от этого пятно стало ещё заметнее. Кира смотрела, как я пытаюсь спасти блузку. Неужели мне ещё и репетировать в ней? Я отпустила мокрый край и схватилась за низ.

Медленно, чтобы каждый мог видеть каждое движение моих рук, я потянула нижний край блузки вверх. Ткань сопротивлялась, прилипая к коже, но я дёрнула сильнее. Пуговицы звякнули об пол. Блузка улетела в сторону. Под ней был простой чёрный хлопковый топ.

— Теперь мне ничего не мешает дышать, — сказала я. Голос был низким, ровным, без единой ноты истерики.

Я поправила ляжку топа и не прикрыла плечи руками. Холодило. Кира ждала следующего движения — наверное, что убегу переодеваться. Я осталась. Если можно играть в этой блузке, то в сухом топе тем более.

На первом ряду кто-то поднял ладони и оглянулся на Марка. Он остановил человека движением руки. До меня дошло, что и хлопать здесь надо с разрешения. Я удержала плечи расправленными, пока он разглядывал меня, и ждала приказа.

— Продолжайте, — приказал он. Марк смотрел на топ и мокрую блузку у ног, как на новую удачную декорацию. — Не переодевайтесь. Дайте им это увидеть. Потом продолжайте монолог. — Так его хотя бы не прослушают.

Я закрыла глаза на один вдох. Представила мокрую блузку на полу — мою единственную приличную, ту, которую гладила ночью. Когда начала монолог заново, перестала беречь красивую интонацию. Слуга в тексте смеялась над господином. Я знала, кому адресовать этот смех: Марк сидел там, где я его оставила.

Три минуты я держалась за ритм. Один раз забыла движение — шагнула туда, где лежала блузка, — но слово не потеряла. Когда закончила, ещё слышала конец фразы у себя во рту и боялась сразу вдохнуть. Кира перестала покачивать ногой. Это я заметила прежде всего.

Марк не аплодировал. Он просто кивнул. Медленно. Так он кивал оператору, когда удавался дубль. Я держала конец монолога, пока он кивал, а потом захотела только поднять блузку. Куда её теперь? Выкинуть жалко, надеть невозможно.

Подняла блузку за край и вышла в коридор. Пятно пачкало ладонь. Я держала её подальше от тела, жалея, что не взяла пакет. В раздевалке можно хотя бы прополоскать.

— Держи.

Лев протянул полотенце. Я взяла за чистый угол, а он уже снимал куртку, чтобы накинуть мне на плечи. Пока держал воротник, можно было не думать о том, как выгляжу в топе перед всем курсом.

Мы двинулись к раздевалке, избегая взглядов студентов. Но у выхода из корпуса нам преградила путь Кира.

— Хамство, — процедила она, глядя на мокрую ткань, которую я всё ещё сжимала в руке. — Ты должна извиниться перед всем курсом. Это неуважение к процессу.

Я остановилась. Посмотрела ей в глаза. Кира снова ждала извинений, будто кофе на мою блузку вылила не она.

— Иди к чёрту, Кира, — сказала я спокойно.

Я пошла к раздевалке. Лев держался рядом, и никто не потянул меня за локоть. Кира осталась у выхода; на этот раз отвечать ей дальше не пришлось.

В раздевалке я села на скамейку. Колени дрожали, и хотелось скорее спрятать мокрую блузку. Лев подошёл к раковине. Не смотрел, пока я устраивала на плечах его куртку.

Марк вошёл и запер дверь. Я посмотрела на Льва у раковины: он был здесь, слышал замок. Уже легче, чем в ректорском кабинете.

— Грязно, — начал он, подходя ближе. Он не смотрел мне в глаза, изучая пятна на полу.
— Но живо. Ты сыграла лучше, чем ожидал.

— Спасибо, — буркнула я, натягивая куртку Льва плотнее.

— Не благодари. Это не комплимент. Я записал дубль. — Марк наконец посмотрел на меня. В его глазах не было тепла. Только расчёт. — Слушай внимательно, Вера. Твой отец должен банку четыреста тысяч. Если ты сорвёшь следующую репетицию, если ты опоздаешь ещё хоть на минуту, я лично передам ректору документы о твоей ночной работе в баре «Пьяная Мэри».

В баре платили за ночные смены. После них я иногда засыпала на первой паре, но общежитие и еду оплачивала сама. Марк назвал эту работу так, будто поймал меня на преступлении. Если он добьётся, чтобы я ушла, платить станет нечем. Долг за академию был страшным; ежедневный голод — понятнее.

— Ты не посмеешь, — прошептала я.

— Я уже сделал это с тремя другими студентами в прошлом семестре, — ответил он равнодушно. — Ты особенная, Вера. Не потому что талантливая. А потому что полезная. Мне нужна эта роль. Тебе нужно выжить. Условия прежние: полная доступность, полное подчинение. И никаких истерик.

Он развернулся к двери.

— Пятый акт начинается завтра в восемь. Не опаздывай.

Когда Марк вышел, я заметила на шее красное пятно от кофе. Лев всё ещё был у раковины; я повернула лицо к зеркалу, чтобы не встретиться с ним глазами сразу после угроз.

Я снова вспомнила его слова про ректора. У Марка было достаточно власти, чтобы заставить меня прийти завтра. Но он всё равно ссылался на отца. С чего бы? Попыталась поймать собственную мысль — и разозлилась: даже после кофе и угроз мне хотелось понять, что с ним не так. Лев стоял рядом. Я смотрела на дверь, за которой исчез Марк.

Потрогала щеку: горячая. Никак не могла перестать думать о его лице, когда закончила монолог. Лев стоял у раковины, и мне стало неловко перед ним за эту мысль. После помощи благодарность хотя бы была уместна. После угроз Марка — что я всё ещё искала?

Лев открыл дверь и придержал её для меня. Я поднялась, вцепившись в мокрую блузку. До завтрашних восьми оставалась одна ночь.

Глава 5

В общежитии я открыла шкафчик и прислушалась к соседкам за дверью. Они обсуждали сегодняшнюю репетицию. Моё имя повторяли шёпотом, но слово «бедняжка» всё равно слышала. Так меня теперь и будут называть, пока не придумают что-нибудь хуже.

В шкафчике лежал конверт с моим именем. Бумага плотная, подписано аккуратно. Марк и сюда мог положить свои условия — не позвонив, не спросив, дома ли я. Я поискала обратный адрес, хотя прекрасно понимала, что его нет.

Конверт никак не рвался по сгибу; я поддела бумагу ногтем и повредила угол листа внутри. Условия были напечатаны по пунктам. «Эмоциональная деконструкция». «Изоляция социальных связей». Красиво названо. Если написать «не общайся с теми, кто может помочь» — уже не так научно. Дочитала до «контроля над телесностью» и села на край кровати.

Я сунула листок под матрас, но через десять минут достала снова. Соседки уже спали; пришлось убавить яркость телефона и прикрыть экран ладонью. Перечитывала пункты, как перед экзаменом: что требуют, за что выгонят, где оставили хоть какую-нибудь лазейку. Заснуть после этого не получалось. Зато плакать тоже.

Утром у поворота на лестницу стоял Лев. Наушники, планшет — можно подумать, просто проверял камеры. Я замедлилась рядом с ним, чтобы не проходить дважды и не привлекать внимания.

Он снял один наушник и протянул флешку. Без наклейки, чёрную. Я прикрыла её ладонью, прежде чем спросить: по лестнице уже поднимались наши.

— Что это? — прошептала я, оглядываясь.

— Посмотри, — так же тихо ответил он. — Кира плачет. Перед камерой. Каждый дубль.

Лев вернулся к своему планшету. Я убрала флешку в маленький карман сумки и проверила молнию. Кира плачет на каждом дубле. Придётся посмотреть самой: я пока видела только лицо, с которым она выливали кофе. В обоих случаях перед ней, оказывается, была камера.

Пара по импровизации началась с опозданием. Преподаватель, старый циник Громов, бросил на стол стопку карт с ситуациями. — Тема дня: предательство. Не измена мужу. Предательство самого себя. Кто первый?

За столами переворачивали карточки, откладывали ручки. Отвечать никто не хотел. Я смотрела на Громова, Кира — на меня.

Кира сидела прямо, даже к спинке стула не прислонилась. Шарф был аккуратно уложен поверх пальто. Когда она повернулась ко мне, я снова вспомнила мокрую блузку: теперь на её месте лежала бы тряпка, а у Киры даже шарф не сбился. Она чуть приподняла бровь. Наверняка ждала, что я отвернусь.

Она задержала взгляд на моём рукаве. Я на секунду сама захотела проверить, чистый ли он. Потом вспомнила, откуда вчера взялось пятно.

Кира смотрела на меня слишком долго. Я отодвинула стул и встала. Ножки скрипнули по полу. — Я начну, — сказала я. Голос прозвучал хрипло, но твердо.

На сцене пришлось переждать, пока глаза привыкнут к свету. Я не видела, кто на каком месте, и это на секунду помогло. Конверт лежал под матрасом, флешка — в сумке. У меня было что-то, кроме их задания. Разжала ладони и решила говорить без выученной вступительной фразы.

Начала почти шёпотом. Сказала, что на людях удобнее закусить щёку, чем попросить не смеяться. Что потом ещё и гордишься: удержалась, молодец. На третьей фразе сбилась, нашла другое слово и продолжила. Это было неловко, не похоже на подготовленный этюд. Но никто не перебивал — и я рискнула сказать следующую вещь, которую обычно держала при себе.

Аудитория замерла. Громов перестал жевать карандаш. Из угла зала, откуда обычно не показывались студенты высшего курса, я почувствовала взгляд Марка. Он не хлопал. Писал, и я ловила эти короткие движения на краю зрения. Потом перестала следить: иначе собоюсь.

В середине я заметила, что Громов больше не жуёт карандаш. Марк писал в углу, Кира перестала трогать шарф. Они слушали меня; не костюм и не сумму моего долга. Стало страшно закончить слишком рано. Я выдержала паузу и дала себе ещё одну фразу, хотя раньше за такое просила бы разрешения.

Громов отпустил нас раньше. Я подхватила сумку, собираясь уйти, пока Кира не начала обсуждать мой монолог. У двери стоял Марк; пришлось остановиться. Он был выше на голову, говорил близко, не давая нашим расслышать замечание.

— Слишком красиво, — сказал он без приветствия. Его голос был низким, бархатным и опасным. — Ты играла страдание. Ты на тяжёлых словах проверяла, как звучишь. Я видел. Текст неприятный, а лицо почти для афиши. Мне не нужен этот контроль, Вера. Давай без него.

— Может, тебе просто не хватает фантазии, чтобы представить это? — огрызнулась я, хотя сердце колотилось где-то в горле.

Марк усмехнулся. Впервые за всё время знакомства в этой улыбке мелькнуло что-то живое. Почти болезненное. — Пустой зал. Сегодня в девять. Если хочешь узнать, как делается настоящий театр. Или оставайся здесь, в своей уютной клетке из посредственности.

Он развернулся и ушел, оставив меня стоять посреди коридора, дрожащей от злости и... возбуждения? Нет, не возбуждения. От жажды доказать ему, что я не игрушка.

В девять в зале горела только рабочая лампа. Я прошла между рядами, не зная, откуда удобнее подняться на сцену. Опоздания не было — я даже проверила телефон.

Марк стоял у рампы, перебирая стопку листов. — Ты пришла, — констатировал он, не оборачиваясь.

— Ты обещал роль.

— Я обещал шанс. Шанс стать легендой. Но цена входа высока.

Он повернулся. В руках он держал планшет с включенной камерой. — Документальный проект. «Разрушение». Я буду снимать весь процесс создания персонажа. Твое тело, твои эмоции, твой сон. Камера должна быть включена всегда. Даже когда ты думаешь, что тебя нет.

Он собирался снимать и сон. Я вспомнила пункт из инструкции, пытаюсь найти ограничение: репетиция, учебное время, хоть что-нибудь. Не нашла. Если подпишу, завтра это станет нормой, и спорить придётся уже про нарушение договора. — Ты издеваешься? — прошептала я. — Я не зверь в клетке.

— Искусство требует жертв, Вера. Твои родители платили деньгами. Ты заплатишь приватностью. Выбирай. Либо ты подписываешь черновик договора и получаешь главную роль в дипломном спектакле, либо завтра я рассказываю ректору о долгах твоего отца, и ты вылетаешь отсюда с волчьим билетом.

Он протянул договор. Я взяла ручку и не сразу сняла колпачок. Можно ещё отдать её назад. Когда сниму, он решит, что ответ уже получил. Пальцы свело судорогой. Я не снимала колпачок, пока он говорил.

Дверь в зал скрипнула. Мы оба обернулись. На пороге стоял Лев. Он держал в руках ключи от технического шкафа. Его лицо было каменным. Он посмотрел на меня, потом на Марка, потом на договор в моей руке.

Лев задержался у двери. Марк повернулся обратно ко мне и показал место для подписи. Я смотрела на нижнюю строку: имя там будет моё, не отцовское. И вдруг все встало на свои места.

В конверте он называл это инструкцией, сейчас — договором. Я проверила ещё раз пункт про запись. Марк снова угрожал ректором. Не собой, отцом. Может, и он что-то должен этому

показу? Мне хотелось спросить, но сначала нужно было решить, подписываю ли я. Ручка всё ещё оставалась в ладони.

Флешка лежала в сумке. Лев не ушёл, стоял у двери с ключами. Я посмотрела на него; он едва качнул головой. Подписывать не советовал. По крайней мере, теперь я не могла притвориться, что никто не предупредил.

Я взяла ручку крепче. — Ты думаешь, я боюсь твоей камеры? — спросила я тихо.

Он ждал, что я начну торговаться про камеры. Я выбрала другой вопрос.

— Я думаю, ты боишься, что я окажусь сильнее, чем ты рассчитывал.

Я поставила подпись, надавив сильнее, чем требовалось. На конце буквы надорвалась бумага. Марк сразу потянул лист к себе.

Марк выхватил договор, прочитал и... рассмеялся. Коротко, сухо. — Хорошо. Добро пожаловать в ад, Вера. Здесь будет весело.

Марк просматривал мою подпись. Я ждала, что он вернёт договор хотя бы на секунду, даст проверить, но он сложил его вместе с остальными листами. От этого снова захотелось выдернуть ручку и всё зачеркнуть. Удержалась. Теперь мне нужна была копия — и память о каждом пункте, под которым поставила имя.

На пальце осталось чернильное пятно. Я потёрла его и только размазала. До общежития шла быстро, стараясь удержать в памяти пункты договора: завтра Марк может объяснить их иначе. Подпись поставила сама. И выпутываться теперь тоже придётся самой, хоть бы Лев и остался рядом.

Черновики надо найти первыми. Тогда следующую сцену узнаю раньше, чем включают камеру. Попрошу Льва показать, где лежат, а не успокаивать меня.

Подпись у него. Я знала, какую бумагу теперь нужно найти у себя.

Глава 6

На третьем этаже кто-то распылил дешёвый дезодорант. Я задержала дыхание и прижала папку к груди: ещё один пролёт коридора, и можно отдать текст Марку. Марк ждал. Если я не принесу ему этот текст через час, контракт расторгнут. Долг виснет на мне как гиря, а отец... нет, об отце думать нельзя. Сейчас нужно просто идти.

Но путь мне преградили. Не стены, а люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.